

АТТИЛА ШЕРЕШ

Два связующих момента из истории венгерско– советских межгосударственных отношений между двумя мировыми войнами

Генуя, 1922 г. – Закулисное сближение

Весной 1922 г. в Генуе была созвана международная конференция по экономическим вопросам, цель которой состояла в восстановлении довоенных торговых связей между европейскими странами при участии членов советской федерации и Германии, а также малых государств, потерпевших поражение в мировой войне. Антанта попыталась убедить приглашенное на конференцию советское правительство уплатить долги по займам царского и буржуазных правительств, а также вернуть находившиеся в собственности иностранцев здания и промышленные предприятия, национализированные после октябрьской революции 1917 г., или выплатить компенсацию их владельцам. Во время проведения конференции, 6 апреля, Германия и Советская Россия заключили Рапальский договор об установлении дипломатических отношений. По этому договору, Советская Россия отказалась от требования по выплате Германией репараций, а Германия – от претензий на возвращение национализированного в России имущества его прежним немецким владельцам. Экономические интересы западных великих держав нарушались, прежде всего, той статьей договора, согласно которой Германия должна была выполнить зафиксированные в договоре обязательства в том случае, если советская сторона не удовлетворит репарационные требования других держав. Политическое значение соглашения состояло в том, что с его помощью оба государства нашли выход из состояния дипломатической изоляции.

Генуэзское совещание было первым после Версальской конференции крупным международным политическим мероприятием, в котором приняло участие большое количество великих держав и малых государств. Это открывало прекрасные возможности для установления неофициальных контактов. Участвовавшая в работе конференции венгерская делегация, руководство которой после краткого пребывания в Генуе премьер-министра *Иштвана Бетлена*

было передано министру иностранных дел *Миклошу Банфи*, также стремилась воспользоваться возможностью для политического маневрирования: для открытого обсуждения на конференции проблемы национальных меньшинств и внесения определенных экономических предложений. Важнейшие европейские экономические и политические вопросы обсуждались на конференции в четырех комиссиях. Внесение и реализация венгерских предложений были возможны в рамках политической комиссии, в которой глава венгерского правительства предложил рассмотреть положение венгерских меньшинств в соседних странах. Обсуждение проблем, входивших в ведение политической комиссии, должно было происходить в ее подкомиссии, где, однако, предложенный венгерской делегацией вопрос не обсуждался по существу. Венгрия не имела возможности повлиять и на урегулирование экономических проблем, поскольку она не была членом подкомиссии экономической комиссии и могла вносить замечания по представленным проектам лишь в письменном виде. В этой политической атмосфере заключение договора между Германией и Советской Россией, а также взаимное сближение подвергнутых изоляции государств были практически закономерными. Банфи три раза встречался с советским наркомом иностранных дел *Г. В. Чичериным*: первая встреча на завтрак, данном участникам конференции итальянским королем, была случайной, а позже, 24 апреля и 2 мая, по инициативе советской стороны, между ними состоялись и переговоры по конкретным вопросам. В ходе этих встреч центральное место занимали проблемы территориального статуса Трансильвании и Бессарабии и возможного сотрудничества между двумя странами в этой области, а также признания Советского государства. В интересах достижения успеха в ревизионистской политике в отношении Румынии венгерское руководство было готово воспользоваться и советско-румынскими противоречиями. Надежда на создание антирумынского фронта поддерживалась и тем, что успех геновских переговоров, нацеленных на консолидацию европейской экономики, казался сомнительным. Экономическое неравенство в Европе дополнялось политической нестабильностью в восточной части континента.

Однако венгерскому и советскому руководству пришлось принять во внимание и то, что, несмотря на неупорядоченность политической ситуации в Восточной Европе, сложившееся к тому времени *status quo* рано или поздно утвердится, и его коренное изменение станет невозможным. В интересах внутренней социальной и политической консолидации оба государства ставили своей целью присоединение на оптимальных условиях к существующей европейской

властной структуре, принятие сложившегося политического порядка. Однако для этого необходимо было посредством заключения билатеральных договоров и создания небольших союзов вырваться из международной изоляции, которую подготавливали своей политикой страны Малой Антанты и победившие в мировой войне великие державы. На своей третьей встрече Банфи и Чичерин договорились о том, что продолжат переговоры о военном сотрудничестве в Берлине, но инициатива в углублении сближения двух стран будет принадлежать венгерской стороне. Учитывая существовавшую в 1922 г. напряженность в советско-румынских отношениях, а также заключение Раппальского соглашения, о котором уже стало известно к моменту первой встречи между Банфи и Чичериным, венгерская дипломатия не уклонилась от дальнейших зондирующих переговоров. Однако и в Берлине установление контактов произошло по инициативе советской стороны. За время, прошедшее со времени международной конференции, произошли новые события, побуждавшие советскую дипломатию к продолжению генуэзских переговоров. В Генуе представители стран Антанты и Советской России не смогли прийти к соглашению, поэтому на лето 1922 г. было намечено проведение еще одного совещания в Гааге для обсуждения новых предложений. Однако и там не удалось добиться взаимопонимания относительно взаимных требований. Советское руководство оценило эти события как подготовку западными державами новой интервенции, из-за которой эти державы не заинтересованы в урегулировании проблем путем переговоров. Советское правительство намеревалось держать на повестке дня и вопрос о принадлежности Трансильвании, поскольку располагало сведениями о том, что в Трансильвании находятся базы, на которых осуществляется обучение белогвардейцев, позже перебрасывавшихся румынским правительством к Днестру. В июле 1922 г. в столице Германии венгерские дипломаты дважды вели переговоры с руководителями советской дипломатии и советским послом в Германии. Сначала венгерскую сторону представлял *Михай Юнгерт*, накопивший опыт в советских делах во время урегулирования вопроса о военнопленных, а позже – *Кальман Каня*, постоянный заместитель министра иностранных дел.

Встречи между дипломатами двух стран, состоявшиеся в 1922 г., привлекают внимание к одной характерной черте советско-венгерских отношений между двумя мировыми войнами. До нападения на СССР в политической практике аппарата венгерского министерства иностранных дел в отношении Советского Союза прагматизм превалировал над идеологическими соображениями. То

же самое можно сказать и о советской внешней политике, отношении которой к Венгрии после 1920 г. определялось не различием общественного строя двух стран, а непосредственными интересами Советского государства и актуальным соотношением сил между великими державами. На генуэзских и берлинских переговорах венгерской стороной руководила не идея исключительной просоветской ориентации. После неудачи попыток сближения с некоторыми странами Антанты и перехода Малой Антанты в сферу интересов французской политики Венгрия ориентировалась на великие державы, не удовлетворенные европейским status quo или недовольные послевоенным территориальным разделом. Две из них, Германия и Россия, по Рапвальскому договору вступили в союзные отношения друг с другом. Опираясь на этот союз, венгерская дипломатия попыталась реализовать свои интересы на европейской политической арене. На венгерско-советских переговорах 1922 г. не было достигнуто реальных результатов, декларированных в официальном документе, единственным итогом встреч стало то, что, выражаясь языком дипломатии, стороны договорились о продолжении консультаций. Было очевидно, что ни одна из сторон не желала окончательно прервать нити контактов, хотя венгерская сторона не настаивала на продолжении переговоров на дипломатическом уровне. Это объяснялось, прежде всего, расхождениями во взглядах на этот вопрос между венгерским внешнеполитическим руководством и политическим общественным мнением, а также антисоветской настроенностью *Миклоша Хорти*, обладавшего верховной властью в государстве.

Вена, 1940 г. – Решение в Бельведерском дворце

В конце 1939 – начале 1940 г. Венгрия оказалась в необыкновенно щекотливом геополитическом положении. После нападения Германии на Польшу СССР также реализовал свои претензии на западные области Украины и Белоруссии, зафиксированные в секретном протоколе к договору о ненападении между Германией и СССР 23 августа 1939 г. Советские войска, вторгшиеся на польскую территорию 17 сентября, менее чем за 10 дней подошли к венгерской границе и 28 сентября установили официальную связь с венгерскими пограничными органами. Тем самым венгерское государство, достигшее в 1938–1939 гг. успехов в своей ревизионистской политике, наряду с Германией, стало непосредственным соседом и другой великой державы, в максимальной степени определявшей судьбы восточного региона европейского континента. В 1940 г.

СССР, динамично укреплявший свои державные позиции, расширил свои границы, овладев новыми финскими, прибалтийскими и румынскими территориями. Венгерская политическая элита здраво оценила изменившееся положение и с надлежащей серьезностью относилась к растущим амбициям и активности Москвы в Восточной Европе, а также к последствиям, вытекающим из соседства двух стран. После изменения курса советской внешней политики в августе 1939 г. стала более важной и роль Венгрии в системе внешних сношений СССР, в первую очередь из-за общности интересов, направленных против Румынии. Благодаря этому в 1940 г. наступил расцвет венгерско-советских дипломатических и торговых связей.

Признаком этого стало создание 7 февраля 1940 г. первого будапештского представительства ТАСС. 26 июня 1940 г., как раз в день предъявления Румынии одиозного ультиматума, Политбюро РКП(б) назначило в Венгрию военного атташе. Это считалось шагом огромного значения, поскольку советское руководство с 1934 г., со времени установления дипломатических отношений между двумя странами, не считало нужным создание этого поста. Чуть более двух месяцев спустя СССР открыл в Будапеште долгожданное торговое представительство. В его штате буквально через несколько недель числилось шесть человек, и это бросалось в глаза потому, что в соответствии с документами от 4-го и 6-го февраля 1934 г. об установлении дипломатических отношений между двумя странами, число работников советского торгового представительства в Будапеште не должно было превышать трех человек. После долгого ожидания был выдан агреман венгерскому военному атташе в СССР генерал-полковнику *Габору Фараго*. 13 июня 1940 г. заместитель наркома иностранных дел *Владимир Деканозов* сообщил об этом венгерскому послу *Йожефу Криштофи*. По данным, относящимся к началу октября 1940 г., число работников дипломатических представительств обеих стран намного превышало лимит в 10 и 14 человек, установленный в 1934 г. Все это позволяет сделать вывод, что дипломатическое руководство Венгрии и СССР было заинтересовано в максимальной эффективности функционирования своих дипломатических представительств. Оживлению крайне слабого торгового обмена между СССР и Венгрией сильно мешало отсутствие договора, регулирующего непосредственный товарный обмен. Венгерское предложение об упорядочении торговых связей вместе с составленным венгерской стороной списком товаров для экспорта и импорта было передано советскому правительству послом Криштофи вскоре после его аккредитации, на рубеже 1939–1940 гг. Венгерско–

советское соглашение о торговле и судоходстве было парафировано в Москве 3 сентября 1940 г.

Однако нормализация отношений между двумя государствами не достигла того уровня, на котором стало бы возможным подписание двустороннего политического соглашения, которое четко отразило бы тождество интересов двух стран. 25 октября 1939 г., вручая вверительные грамоты председателю Президиума Верховного Совета СССР *М. И. Калинин*у, Криштофи, следуя устной инструкции министра иностранных дел Иштвана Чаки, упомянул о желательности заключения венгерско-советского пакта, который соответствующим образом демонстрировал бы добрососедские отношения между двумя государствами. Однако нет письменных свидетельств того, что руководство советской дипломатии позже ставило вопрос о заключении политического соглашения, регулирующего венгерско-советские отношения. В то же время мы не нашли документов или данных и о том, что венгерское руководство когда-либо снова выступало с официальной инициативой, касающейся закрепления принципов сосуществования, обусловленного географическом соседством, или возможности сотрудничества на основе общности интересов, в форме договора о дружбе или ненападении между Венгрией и СССР. До нападения на СССР в июне 1941 г. советское руководство признавало справедливость и обоснованность венгерских территориальных претензий к Румынии. Правда, декларировавшие эти претензии политические заявления советских руководителей основывались не на предположении о том, что это позволит достичь реального и справедливого, соответствующего этническому принципу завершения спора между двумя государствами. Поддержка венгерских претензий диктовалась, прежде всего, амбициями СССР в Юго-Восточной Европе: стремясь к сохранению и укреплению своих позиций на Балканах, советская дипломатия относилась Румынию к сфере своих интересов и была заинтересована в существовании такого румынского государства, которое могло быть легко поставлено под влияние СССР. Обострение венгерско-румынских территориальных противоречий и их возможное разрешение вооруженным путем, как казалось Москве, могли дестабилизировать гитлеровскую систему союзов и поставить под угрозу беспрепятственное использование румынских нефтяных ресурсов, имевших жизненно важное значение для немецких вооруженных сил. Неопределенность, порожденная вооруженным конфликтом, могла дать предлог для вмешательства советских войск и дальнейшей экспансии в дельте Дуная или Молдавии.

Советское руководство не знало о том, что прибывшие в Вену венгерские и румынские делегаты должны будут согласиться на заочное и безусловное принятие обязательного для обеих сторон арбитражного решения, поэтому Москва рассчитывала лишь на продолжение прервавшихся в Турну-Северине переговоров. В донесении от 26 августа советский посол в Румынии, ссылаясь на беседу с румынским министром иностранных дел, писал, что переговоры будут продолжены 28-го или 29-го августа. В беседе между послом Германии в СССР *Фридрихом Шуленбургом* и наркомом иностранных дел *В. М. Молотовым*, состоявшейся 29 августа, не упоминалось о трансильванском вопросе, и немецкий дипломат ничего не сообщил о характере политической сделки, подготовка которой началась в тот день в Вене, а также о том, что германская дипломатия намерена поставить венгерскую и румынскую делегацию перед свершившимся фактом. Определение статуса спорных территорий посредством такого политического диктата, решающая роль в котором принадлежала Германии и от которого был полностью отстранен СССР, явно противоречило советским стратегическим интересам. На другой день после обнаружения арбитражного договора Молотов снова принял Шуленбурга и заявил ему о том, что германское правительство нарушило 3-ю статью германо–советского договора о ненападении 23 августа 1939 г., поскольку не информировало советское правительство заранее, а сообщило ему о венском арбитраже лишь задним числом. Гарантия неприкосновенности румынских границ, данная державами «оси», окончательно перечеркнула советские расчеты. В записке, подготовленной 21 сентября для Деканозова руководителем ближневосточного отдела Комиссариата иностранных дел, характер арбитражного договора и активная роль Гитлера в разрешении венгерско-румынского конфликта оценивались как новый шаг в осуществлении планов, целью которых является продвижение в сторону Черного моря и проливов, полное подчинение государств Дунайского бассейна.

Весной и летом 1940 г. отношения между Венгрией и СССР, недавно ставшими соседями, пошли «по восходящей линии». В основе этого лежало тождество интересов, направленных против Румынии, порожденное тем, что стремление Венгрии к изменению территориального статуса Трансильвании сочеталось с антирумынскими положениями внешнеполитической доктрины СССР. Венгрия была сильно заинтересована в сохранении напряженности между СССР и Румынией и не желала ее ослабления, в то время как стратегические интересы СССР требовали того, чтобы в нужный момент

острота противоречий между Венгрией и Румынией могла быть доведена до максимальной степени. Возможность совместных действий была ясна политической элите обеих стран, однако это все же не привело к реальному политическому или военному сотрудничеству. Германские планы, предусматривавшие скорейшее завершение венгерско-румынского территориального спора, соответствующая им активная роль Германии в подготовке второго венского арбитража, а также советская реакция на третейское решение в Вене сильно повлияли на характер германо-советских отношений. Со времени подписания договора о ненападении 23 августа 1939 г., заложившего новые основы отношений между двумя государствами и превратившего эти отношения в тесное сотрудничество, в германо-советских контактах уже появились мелкие и крупные трещины. Однако причиной первого крупного разлома стало коренное различие точек зрения в оценке второго венского арбитража. Это открыло советскому руководству глаза на возможность различных интерпретаций договора о ненападении и его несоблюдения, которое к тому же не повлекло бы за собой никаких последствий.

Избранная библиография

- Gafencu, Grigore: Misiune la Moscova 1940–1941. Culegere de documente. București, 1995.
- Juhász Gyula: Magyarország külpolitikája 1919–1945. 3. kiadás. Budapest, 1988.
- Kolontári Attila: Magyar–szovjet tárgyalások a diplomáciai és kereskedelmi kapcsolatok felvételéről (Berlin, 1924). In: Kutatási füzetek 5. Szerk.: Ormos Mária – Kánya József – Palkhoffer Mónika. Pécs, 1999.
- Kolontári Attila: A magyar–szovjet viszony alakulása 1925 és 1934 között. In: A Pécsi Tudományegyetem Illyés Gyula Főiskolai Kara Társadalomtudományi Tanszékének közleményei. 5. köt. Szerk.: Kolontári Attila. Szekszárd, 2002.
- L. Balogh Béni: A magyar–román kapcsolatok 1939–1940-ben és a második bécsi döntés. Csíkszereda, 2002.
- Pastor, Peter (szerk.): A moszkvai magyar követség jelentései 1935–1941. Budapest, 1992.
- Seres Attila: Magyar–szovjet titkos tárgyalások Genovában 1922-ben. Bánffy Miklós magyar külügyminiszter feljegyzései. In: Fons, 2001/3.
- Seres Attila: Újabb szovjet dokumentumok a második bécsi döntés és a magyar–szovjet kapcsolatok történetéhez (1940). In: Pont, 2004/1.
- Авдеев, А. А. – Унгуреану, М. Р. Советско–румынские отношения. (Т. 1. 1917–1934. Т. 2. 1935–1941). Документы и материалы. Москва, 2000.
- Городецкий, Габриэль. Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз. Москва, 2001.
- Исламов, Т. М. (отв. ред.) Трансильванский вопрос. Венгеро–румынский территориальный спор и СССР 1940–1946. Документы. Москва, 2000.
- Мамедов, Г. Э. (гл. ред.) Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941 г. Т. 23. Кн. 1-я. 1 января – 31 октября 1940 г. Москва, 1995.
- Шишкин, В. А. Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930 годы) и капиталистический мир. Санкт-Петербург, 2002.